

№ 3.

ЦЕНА 15 КОП.

Журнал Буржуа

Юмористический Еженедельник

1918 г.

№ 3.

— Да, душечка, не будь иждивецъ — не сидѣть бы намъ сейчасъ!..

278

"Граждане и товарищи"

Всплеск журналистской активности в 1918 году вынес на поверхность идею издавать в Одессе еще один юмористический еженедельник.

Первый номер журнала "Буржуй" появился в начале марта, выход последнего, двенадцатого, был растянут до середины июля, после чего и это начинание сложнейшего года в истории нашего города было свернуто. То есть, готовился журнал еще при большевиках, а выходил уже при "новой перемене декорации... Новые маски, новые речи, новые песни...". Намерение редактора-издателя Я.В. Панимана раз в неделю оторвать одесситов от скучной, невеселой житейской прозы и "угостить" его на страницах своего журнала хорошей шуткой, злободневным анекдотом, каламбуром, шарадой и т. д. невольно "опрокидывалось" самой жизнью. И все же очень хотелось сделать свою попытку. В редакционной статье писалось: "В трудное, ужасное время приступаем мы к изданию общедоступного юмористического журнала. Мы думаем, что и теперь, когда кровь и слезы льются рекой, и каждый полон опасения и страхов за день грядущий, — все же смех не должен умереть или исчезнуть из нашей бедной жизни... Сейчас жажда забыться, развлечься должна быть особенно велика и, если нашему "Буржую" удастся хоть на миг сорвать у своего читателя улыбку, наша скромная задача наполовину будет разрешена.."

Трудно сказать, насколько популярен был журнал "Буржуй" в далеком 1918 г. Сегодня очевидно, что он во многом проигрывает по сравнению с периодикой того же времени, скажем, с такими изданиями, как "Бомба", "Яблочко", "Южный огонек", "Маленький Сатирикон" и др. Хотя сложился постоянный авторский коллектив (Саша Скромный, Джентльмен, Х.Л. Фин, Макс Поляновский, Дядя Пан и др.), журнал не сумел найти "свое лицо", к его оформлению не привлекли художников, успешно сотрудничавших с другими изданиями. Попытки внутри "Буржуя" открыть сначала юмористическую газету "Пролетарий", а затем газету "Одесская утка", увы, тоже не увенчались успехом.

Лишь однажды на страницах журнала мелькнуло маленькое стихотворение Ю. Олеси "Гунны". А в основном здесь печатался поэт Л. Самойлов. Приведем один из его опусов:

Не надо несбыточных грез,
Не надо прочувственных слез,
Будем реальны —
Оригинальны.
Праздник ликуйной весны
Тусклая осень сменит;
Незачем жить —
Умри!..
В юности мы запоем,
В старости будем смиренны;
Тернии жизни пройдем —
Обыкновенно.

И все же воспользуемся редкой возможностью полистать журнал, давно уже ставший раритетом. Остановимся на тех его страницах, которые сохраняют реалии своего времени, выраженные в привычной для одесситов ироничной манере.

Татьяна ЩУРОВА

279

Нѣсколько словъ о буржуяхъ.

Слово "буржуй" теперь очень модное.

На улицахъ, въ театрѣ, на митингахъ и дома всюду слышишь: "буржуй"!

Поэтому не безъ интересно, сказать о немъ нѣсколько словъ.

Во первыхъ буржуй есть слово видоизмѣняемое.

Буржуй, буржуа, буржукъ, буржуйникъ, буржуазникъ!

Буржуй это такой же человекъ какъ и мы всѣ; роговъ у него нѣтъ, но зато есть... деньги.

Не знающіе буржуевъ въ лицо, могутъ узнать ихъ по пузамъ...

Буржуй носить потертое пальто, старомодные ботинки, боится "товарищей", кушаетъ хорошо, плотно, но въ послѣдніе дни безъ аппетита.

Говорятъ, что совѣтская власть испортила имъ аппетитъ.

Буржуи обладаютъ способностью; лаять. (рѣдкое явленіе!)

Но раньше они это дѣлали открыто, а теперь тайкомъ. (вѣроятно ночью).

Буржуи "эстэты" и любятъ красоту.

Они любятъ также "порядокъ", и мечтаютъ о румынахъ...

Еще они любятъ вѣжливость, аккуратность, и не терпятъ грязныхъ рабочихъ.

Буржуй трудолюбивъ и презираетъ безработныхъ.

Еще характерная черта: буржуй приспособляется...

При Николаѣ они хотѣли монархическую конституцію, при Керенскомъ республику, а теперь даже — сочувствуютъ... Ленину.

Если такъ пойдетъ дальше, то съ Божьей помощью, мы скоро увидимъ его — у станка за дружной работой.

Деньги "буржуи" отдають охотно, говоря: что они не имѣють цѣны.

Лицо буржуа — барометръ Россійской революціи...

Еще многое можно сказать о буржуѣ, но онъ пожалуй приметъ это къ сердцу...

А будетъ досадно если случится несчастье...

Оставим же его пока въ покоѣ!

Х.Л. Финъ.

"Патріотъ"

Хоть буржуй я,
Но повѣрьте —
Патріотъ большой.
Я болѣю за Россію
Прямо всей... мощной...

Хоть пузатъ я,
Но повѣрьте —
Въ брюхѣ денегъ нѣтъ.
Я болѣю за рабочихъ
Прямо какъ... Совѣтъ...

Жду румынцевъ,
Жду я "Раду",
Также нѣмцевъ жду...
И повѣрьте —
Свои чувства
Я вам покажу!..

Саша Скромный.

Гунны

(Изъ цикла "Шарахались").

Этого не можетъ быть даже въ "Бомбѣ"
Объ этомъ не споетъ вамъ никакой поэтъ
Чтобы Аттила на тачкѣ, обыкновенную прачку
Вывозилъ?.. Это, подшарахавшагося ниже, секретъ...

Юрій Олеша.

Товарищъ

(Періодическое значеніе этого слова).

Когда средь мартовскихъ пожарищъ
Быль небосклонъ зарей объятъ,
Рѣшили люди, что "товарищъ"
Есть тот-же братъ,
Названный братъ...

Конечно, это лишь казалось,
Быль въ простодушии — всякій радъ
И всюду плавно повторялось:
— "Товарищъ — братъ,
Сердечный братъ."

Дни осени примчались быстро,
А съ ними большевизма ядъ
И взвыли въ ужасъ министры:
"Товарищъ — б-братъ...
Нельзя такъ братъ."

И стало такъ. Совѣтской казнью
Быль исковерканъ аппаратъ.
Народъ твердилъ (но съ неприязнью)
"Товарищъ — братъ,
Охъ братъ, охъ братъ."

Власть захватили въ руки цѣпко
Сталъ анархистъ у насъ магнатъ.
Народъ твердилъ со злобой крѣпкой
— "Товарищъ — гадъ,
Ужасный гадъ."

Ушли былые воротилы
Съ мечтой вернуться вновь назадъ,
А мы твердимъ съ усмѣшкой милой
"Товарищъ — братъ,
Товарищъ — гадъ."

Максъ Поляновскій.

Политическій барометръ

...Когда побѣдили
большевики...

...Когда большевики
удрали...

...Когда пришли
нѣмцы...

...Когда объявился
Гетманъ

Одна изъ многіхъ.

I.

Революція какъ пламя
Охватила Люцію;
И взяла бѣдняжка знамя,
Знамя — революціи...
Меньшевичкой стала Люція,
Такъ себѣ, нечаянно...
И работала отчаянно
Въ пользу революціи.

II.

Въ октябрѣ опять какъ пламя
Запылала Люція,

Водрузивши гордо знамя
Новой революціи,
Большевичкой стала Люція,
Но ужъ не нечаянно;
И работаетъ отчаянно
Въ пользу революціи.

— —

О не смѣйтесь, сердце Люціи
Яростное пламя;
Оттого и носить знамя
Знамя революціи...

Л. Самойловъ.

Отраженія.

Слухи... страхи... сплетни...
Одесса, положительно, живет и дышет
ими...
Слухи, слухи, слухи... страшные, глупые, чудовищные один нелѣпѣ другого, точно удушливые газы, ползуть они по всему городу, пробираются въ дома, квартиры и нѣтъ отъ нихъ спасенія...
Говорятъ..., рассказываютъ..., сплетничаютъ..., по секрету..., полушопотомъ..., изъ самыхъ достоверныхъ источниковъ...
Каждый, что-то знаетъ..., каждый что-то скрываетъ..., каждый чего-то ждетъ...
— —
Все поругано..., все осмеяно...
Человѣкъ человѣку — волкъ. Братъ возсталъ на брата, сынъ — на отца... перепуталось..., перемѣшалось... заговорили на тысячи языкахъ и другъ-друга не понимаютъ...
Днемъ выгянетъ чуть-чуть прекрасное сол-

нышко, освѣтитъ, погрѣетъ да и спрячется по скорѣе...
А буржуйка весна дрожить, боится, своего богатства, своего золота...
А ночи!.. Страшныя, страшныя...
Улицы темныя, пустынныя какъ кладбище осенью, и зловѣщая жуткая тишина царитъ кругомъ...
Ни души!..
Вдругъ выстрѣлъ одинъ..., другой...
Гдѣ-то кого-то грабятъ...,
Гдѣ-то кого-то душатъ..., убиваютъ...
Крѣпись читатель!
— —
Такова наша чудесная, милая, солнечная Одесса въ эти дни.
Въ дни великихъ испытаній, въ дни великихъ потрясеній...
Переживемъ ли?..

Саша Скромный.

У камина

(въ наши дни).

I.

Ты сидишь молчаливо и смотришь с тоской
Какъ "товарищъ" товаръ забираетъ...
Какъ "его" грузовикъ ужъ наполненъ горой
Какъ куда-то онъ съ нимъ исчезаетъ...
Ты грустишь но о чемъ? Не о прошлыхъ-ли дняхъ
Полной кассѣ — звонкой монеты
Теперь ты банкротъ и дѣла твои швахъ...
Ты голоденъ и плохо одѣтый...

II.

Подожди еще мигъ и не будетъ штановъ...
Въ чемъ тебя одѣвали и грѣли,
И останется пара лишь рванныхъ носковъ
Что "граждане" забрать не успѣли.
О повѣрь въдѣ свобода это тоже каминъ
Гдѣ сгораютъ всѣ лучшія грезы.
А начнется борьба, въ сердце холодъ одинъ
Впередѣ-же страданья и слезы...

Л-овъ.

"Комиссары"

(пѣсенка).

Комиссары, комиссары.
Всюду — комиссары...
Въ банкѣ, въ почтѣ,
Въ казначействѣ —
Даже на базарѣ...
Комиссары, комиссары,
Говорятъ — они
Удираютъ... покидаютъ...
Насъ всѣхъ —
Въ эти дни...

И — юстици..., и — милици...
Брошены финансы...
Но о боги!, гдѣ — итоги...
Кто сведетъ —
Балансы?!

Комиссары, комиссары,
Всюду — комиссары
И отъ этихъ комиссаровъ
Ходишь какъ —
Въ угарѣ...

Саша Скромный.

Моя страничка.

Честь имѣю представиться:

— Дженгльмэнъ.

Прошу только объ одномъ:

— Не считайте меня буржуемъ.

Ужь кто-кто, а я меньше всего похожь на того, имя которому:

— Буржуй.

Прежде всего, какой я буржуй, если въ моемъ кошелькѣ остался лишь старый, истертый полтинникъ, который рѣшительно всѣ отказываются принимать, утверждая, что онъ... фальшивый — одесскаго производства. Другой бы, на моемъ мѣстѣ, давнымъ-давно покончилъ жизнь самоубійствомъ. А я не изъ такихъ.

Живу и, даже можно сказать наслаждаюсь жизнью. Никогда еще жизнь не была такъ хороша, какъ теперь.

Вы улыбаетесь?..

Ну, что-жь, улыбайтесь себѣ на здоровье. А я все-таки остаюсь при своемъ мнѣнii. Ни на секунду не могу себѣ представить возможной жизни безъ того, что сейчасъ совершается.

— Не жисть, а малина!

Прежде всего, выходя утромъ на улицу, я на первомъ же кварталѣ пользуюсь бесплатнымъ удовольствиемъ, которое доставляетъ мнѣ чтенiе приказовъ.

Приказы обыкновенно пишутся на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, украинскомъ и русскомъ, и читая ихъ цѣлыхъ три часа подрядъ, я ровно ничего не понимаю. Спрашиваю стоящихъ возлѣ меня:

— Что это такое?

— Какъ что, приказъ?!

— А, въ чемъ, собственно, дѣло?

— Вотъ этого то мы и сами не знаемъ.

Мнѣ становится весело и я начинаю напѣвать новый украинскiй гимнъ:

"Ще не вмерла Украина,

Отъ Киева до Берлина".

Снился мнѣ очень хороший сонъ: я умеръ и попалъ... в адъ. Вскорѣ пришлось предстать предъ грозныя очи извѣстнаго буржуя Вельзевула, которому дежурный чортъ доложилъ:

— Грѣшникъ изъ Одессы! Какое прикажете наказанiе для него?

Вельзевулъ немного подумалъ и сказала, заставивъ вздрогнуть все мое существо:

— Кормить его пять часовъ въ сутки "одесскимъ хлѣбомъ"!

Я взмолился!

— Ваша адская мрачность, сжальтесь, не губите: я до сихъ поръ страдаю несваренiемъ желудка... Нельзя-ли что-нибудь другое?... Ну, хотя бы традиционный котель съ смолой...

— Финтишь братецъ: смолы у насъ почти нѣтъ, а дрова тоже уже на исходѣ... правда, одинъ котель со смолой у насъ еще остался, но онъ приготовленъ не для такихъ птицъ какъ ты, а для такихъ, какъ Пеликан!.. — замѣтилъ Вельзевулъ и тутъ же добавилъ:

— Впрочемъ, можно примѣнить другое наказанiе для тебя, грѣшникъ одесситъ: товарищ чортъ тебя будетъ учить украинскому языку, и, если ты его не выучишь — не миновать тебѣ "одесскаго хлѣба"!

Я хотѣлъ закричать "караулъ", но къ счастью, во-время проснулся.

Во время вечерней прогулки имѣлъ удовольствие познакомиться съ однимъ очень симпатичнымъ "украинцемъ". Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Здорово, добродіе! Якъ живете и що робіти на цімъ світі?

— Ничего-съ... Якъ вы?..

— Эхъ, ни вісло: грошів нима! Чи не маєте ли вы карбованців?

— Тай никогда ихъ и не бачивъ

— Ну, якъ грошів нима, тоді скидайте свое пальто.

— Що це значитъ?

— Це есть реквизиція!

— Каррау-уль!!!

— Цыц, а не то я тобi якъ заворотю!..

.....

А я думалъ уже на будущей недѣлѣ отнести пальто въ ломбардъ...

Разбитыя мечты...

А въ общемъ, — весело...

Чтобъ всѣмъ моимъ врагамъ было "на томъ свѣтѣ" такъ весело!

Дженгльмэнъ

Ужась!..

(Фельетонъ Ал. Евгеньева).

Журналистъ Безумовъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ и выводилъ перомъ какія то фигурки. Уже время было сдать фельетонъ, а у него готово было только заглавiе. Что дѣлать? ужась!.. Такъ онъ и назвалъ свой фельетонъ.

Но о чемъ писать? Объ ужасахъ въ Николаевѣ, Херсонѣ и другихъ городахъ? О многотысячныхъ жертвахъ? Все это старо и обыденно... Писать объ арестахъ въ Киевѣ за разговоры на русскомъ языкѣ. Это тоже можетъ не понравиться...

А между тѣмъ, изъ редакціи уже нѣсколько разъ телефонировали: "Что Безумовъ, пришлете?" "Да, да, обязательно, сейчасъ, моментально"... И опять онъ садился за столъ и выводилъ фигурки. Быть можетъ написать, что нибудь о нѣмцахъ? Правда, сюда, какъ нельзя лучше подходитъ заглавiе — ужась, но онъ не понялъ послѣдняго приказа о печати и боялся...

Затрещалъ снова телефонъ, и въ эту минуту Безумову пришла въ голову новая мысль. Онъ схватилъ трубку. Говорилъ редакторъ. "Вотъ что, сказалъ Безумовъ, я приготовилъ фельетонъ, который къ сожаленію, не сможетъ пойти. Дѣло въ томъ, что я только сейчасъ замѣтилъ приказъ о печати"... но редакторъ волновался. "Вѣдь я вамъ оставилъ мѣсто на сто строкъ"... Это неважно продолжалъ Безумовъ, выпускайте № съ пробѣломъ, публика этого любитъ, это увеличитъ тиражъ. Поставете только названiе моего фельетона — ужась — и мою подпись.

На завтра распоряженiемъ властей газета была закрыта, но зато весь день въ городѣ говорили о знаменитомъ журналистѣ Безумовѣ, фельетонъ коего послужилъ причиной к закрытію газеты.

Радость спекулянта. Опять пошла спекуляція, опять потекутъ рублики... дуи братецъ цѣны... веселись и танцуй... лови моментъ, каналья!

Весенія риѳмы

Весь вечеръ я спорилъ съ молодымъ поэтомъ Петей Карамордовымъ собственно изъ-за пустяка.

Петя доказывалъ, что съ наступленіемъ весны всѣ становятся склонными къ поэзии, риѳмы льются какъ ніагарскій водопадъ, слогъ дѣлается необычайно вычурнымъ, а главное поэзіей начинаютъ интересоваться люди никогда ничего общаго съ ней не имѣвшіе.

Въ такое время поэты отходятъ въ сторону и постепенно ступеньваются.

Признаться, я былъ очень доволенъ уходу скучнаго Пети, доводы котораго мнѣ понять было не по силамъ.

Но понять ихъ все-же пришлось.

Правда не на словахъ, а на дѣлѣ.

Было так...

* * *

Когда я проснулся (привычка, повторяющаяся ежедневно по утрамъ) вошла горничная Катя для приведенія въ надлежащій порядокъ моего гардероба.

— А что, Катя, чай готовъ, спросилъ я по обыкновенію.

Неожиданно для меня, а еще больше для себя Катя затараторила.

— Поѣзжайте-ка въ Китай, пейте тамъ горячій чай, я-жъ иду повѣся носъ, уѣзжаетъ мой матросъ.

— Катя, откуда къ Вамъ, обратился я но уже не къ Катѣ, ее не было и мнѣ пришлось одѣть нечищенный костюмъ.

* * *

Когда извозчикъ подвезъ меня къ мѣсту службы я вынулъ по традиціи рубль для уплаты.

Но не успѣлъ я вручить ему какъ онъ обрушился на меня слѣдующей тирадой:

— Гражданинъ Вы, мой ѣздокъ, нонче мало мнѣ рублекъ, направляюсь на свиданье, вечеромъ къ моей Маланьѣ.

— Откуда это къ тебѣ, братецъ?, недоумѣвалъ я набавляя полтинникъ.

— Такъ не откуда. Благодаримъ-съ.

Тпру...

* * *

На службѣ въ особое бѣшенство меня ввергла барышня пишущая на машинкѣ.

Уже часъ писала она бумагу съ которой обыкновенно справлялась въ 10—15 минутъ.

Странно чего то?..

Сидитъ задумавшись и меланхолично выстукиваетъ что-то...

Незамѣтно, подкрадываюсь и смотрю, что она пишетъ.

На бумажкѣ ясно выстукано: дорогой и славный, Костя, обижаться милый бросьте, бросьте рыжую сосъдку, приходите къ намъ въ бесѣдку.

* * *

Мой сынокъ, приготовишка, Володька завидя меня вскарабкался на письменный столъ и дѣловито произнесъ!

— Папа знай что тутъ не сонъ, это правда я влюбленъ, я свободный гражданинъ, ты мой папа я твой сынъ!

* * *

Вечеромъ пришелъ скучный Петя Карамордовъ.

Опять болталъ о томъ, что къ веснѣ всѣ вдохновляются для писанія глупыхъ стишковъ. Но теперь я отлично понималъ его.

Вотъ даже сейчасъ лаетъ собачка Бишка, а я хорошо знаю, что она выражаетъ въ особыхъ собачьихъ стихахъ свои чувства къ прекрасному пойнтеру Блэку.

— Что и говорить, нахмурысь басилъ Петя, поэты теперь не нужны, они лишни, каждый самъ по себѣ поэтъ... Да...

Бѣдный Петя, тебѣ пошла лишь двадцатая весна, а люди ее отравили своими глупыми стишонками.

Ничего не подѣлаешь...

Весна!..

Максъ Поляновскій.

Диктатура моей жены.

Моя жена маленькая, худенькая женщина, но я могу поклясться что она сильна, очень сильна! И когда она говоритъ: "о я тебя еще убью!" я чувствую ужасъ смерти.

Впрочемъ, къ чему ей сила, когда она ее легко замѣняетъ, и при этомъ страдаю только я.

Если въ последнее время нѣтъ концертовъ, то это еще не значить, что ихъ нѣтъ у меня, они бываютъ каждый день.

Я бы васъ пригласилъ поглядѣть, но моя жена большая скромница.

О милые, интимные концерты!

Въ началѣ слѣдуетъ прологъ...

— Моня ты принеси мнѣ булавки?

— Нѣтъ.

— А, а, почему?

— Забылъ, — принесу завтра.

Начинается дѣйствіе...

Тарелки, ножи, вилки, скатерть и часто кушанья (если моя жена въ ударѣ) летятъ мнѣ въ голову.

Но я такъ наловчился, что посуды ломается и голова остается цѣлой.

— Моня ботинки! Моня пальто! Моня горжетку! — каракулевое пальто!

И такъ каждый день.

Что я спекулянть?!

Манечка говорю я ей, кричи за цѣлую недѣлю сразу, гуртомъ. Она не хочетъ, ей не выгодно.

Въ последнее время я веду статистику сколько каждый день ломается посуды.

— Слава Богу, теперь меньше!

Такъ новое несчастье: моя жена набралась модныхъ словъ и сыплетъ ими какъ изъ пулемета.

Саботажникъ! Контръ-революционеръ! Провокаторъ! и еще и еще...

Это еще ничего, но она требуетъ объясненія этихъ словъ. А откуда мнѣ знать?

Наконецъ, моей женѣ надоѣло сидѣть дома и она записалась въ партію большевиковъ (какое счастье!)

Она записывается, а партія выписывается.

И кто виноватъ — я!..

Когда же нѣмцы оккупировали Одессу, она мнѣ говоритъ:

— "Это ты подстроилъ!".

Какъ вамъ нравится? — Я!..

И наконецъ вчера, когда я уже лежалъ въ постели, она, моя жна, вбѣгаетъ ко мнѣ и кричитъ:

— "Моня, я — диктаторъ!"

О, теперь наступила моя погибель!

Х. Л. Финъ.

